

Разве это могло не вызвать жалости?

Всего одна стена разделяла их, словно два совершенно разных мира. Хэ Юй находился на свету, а Хэ Шу — в тени, и их пути никогда не пересекались.

Двойное давление со стороны школы и дома, непонимание и равнодушие окружающих — всё это напоминало падение из рая в ад. У Хэ Шу очень быстро начались эмоциональные проблемы, он стал еще более молчаливым и угрюмым, чем прежде.

В такой момент единственным человеком, кто дарил ему хоть какое-то тепло, неожиданно оказался Хэ Юй.

Подвергаясь травле в интернете, он и сам невольно начал сомневаться в себе, испытывая перед Хэ Юем чувство вины и укоры совести.

Может, Хэ Юй и вправду был хорошим младшим братом, и в том, что его нашли, не было его вины?

Получается, неправ был сам Хэ Шу?

Хэ Шу не знал ответа. Его душевные силы были истощены до предела, а на носу был конкурс, и ему оставалось лишь заставлять себя сосредоточить всё внимание на рисовании.

Пока наконец не открылся официальный прием работ, и бесчисленные творения лавиной не хлынули на электронную почту организаторов.

В тот день жюри из восьми ведущих университетов после долгих отборов с удивлением обнаружило среди бескрайнего моря рисунков одно сокровище.

Однако радость длилась недолго, потому что вскоре они поняли —

Две работы поразительно, невероятно похожи.

Со Сюй окликнул Шэнь Синланя, возвращая его в реальность. Он легонько помахал рукой перед его глазами, а уголки его губ изогнулись, обнажая пару очаровательных, по-детски наивных клыков.

Видя, как сильно ты устаешь на тренировках, я попросил тётю сварить для тебя куриный бульон, чтобы ты подкрепил силы. В его глазах читалась искренняя забота.

Шэнь Синлань уже давно отвык от подобных дешевых проявлений самолюбования. Он слегка

прикусил губу, улыбнулся, скосив взгляд на собеседника, и в его глазах мелькнула искра:

— Ты так добр ко мне.

Со Суй почувствовал себя так, будто наелся меду. Ему показалось, что сегодня Хэ Шу ведет себя чуточку иначе, чем обычно: он и капризничает самую малость, и хвалит его. Он и без того был без памяти влюблен в него, так кто же сможет перед этим устоять?

— Я буду относиться к тебе еще лучше, — Со Суй выпрямился и расправил плечи. — Чего тебе еще хочется? В обед я отведаю тебя поесть.

На скамейке под сенью деревьев бок о бок сидели двое юношей. Между ними царила такая близость и идиллия, что сцена выглядела словно кадр из высокобюджетного фильма.

Хэ Юй, стоявший всего в нескольких шагах, в упор глядел на эту картину, до боли сжав кулаки. Если бы сейчас кто-нибудь из обычных одноклассников увидел его выражение лица, то наверняка подумал бы, что перед ними просто случайный тезка Хэ Юя.

Одни небеса знали, каких трудов ему стоило, непрерывно глубоко вдыхая и выдыхая, кое-как проглотить эту обиду.

Подойдя к парням, он остановился и тихо позвал:

— Братишка А-Шу.

Его юношеский голос звучал звонко и чисто, словно журчащий ручеек, омывающий слух, и в нем сквозила неосознанная обида, слабость и крайняя робость.

На звук голоса Шэнь Синлань обернулся и увидел перед собой худощавого подростка. Своими круглыми глазами и тонкими губами тот походил на котенка, а его пальцы нервно переплетались — казалось, стоило повысить голос, и бедняк испуганно убежит.

Со Суй, разумеется, тоже заметил его. Вспомнив то, что произошло в роще, он почувствовал себя неловко перед Хэ Шу и предпочел просто отвернуться, делая вид, что не замечает Хэ Юя.

В конце концов, им всем было всего по семнадцать лет. Шэнь Синлань, заметив реакцию обоих, с полуулыбкой произнес:

— Мм, что-то хотел?

— Я вовсе не нарочно разбил твои часы, просто хотел рассмотреть их поближе... — Хэ Юй

прикусил губу. — Прости, во всем виновата моя неуклюжесть. Сегодня я специально обегал весь город, чтобы купить точно такие же.

Он достал из-за спины прямоугольную подарочную коробку из чистого черного материала с позолотой и протянул ее Шэнь Синланю. Выражение его лица было предельно искренним:

— Братишка, я не прошу тебя простить меня, я лишь хочу, чтобы ты больше не сердился.

На крышке коробки красовался тот же логотип, что и на разбитых часах, а узор витиевато расходился по краям, выглядя сдержанно и роскошно.

Со Сюй невольно снова повернул голову. Хотя это его вовсе не касалось, любопытство взяло верх.

Коробка застыла в воздухе так надолго, что у Хэ Юя заныло запястье и он уже едва мог ее удерживать. Только тогда Шэнь Синлань протянул руку и взял подарок.

— Мы же братья, с чего бы мне на тебя сердиться? — с полным недоумением в голосе произнес он, словно никак не ожидая извинений от Хэ Юя. — К тому же ты — настоящий сын семьи Хэ, и раз ты согласен называть меня братом, я уже тронут до глубины души.

Хэ Юй, лихорадочно соображавший, как продолжать этот спектакль, растерялся: разве характер Хэ Шу не упрямый? Разве в такой ситуации он не должен был разозлиться и устроить скандал?

Стоило тому лишь сорваться на крик, как у него нашлись бы способы вывести его из себя. Вокруг столько свидетелей, и тогда кто прав, а кто виноват, стало бы очевидно с первого взгляда!

Но Хэ Шу не только не рассердился из-за подделки, но и отнесся к нему столь благожелательно. Хэ Юй чувствовал себя так, будто ударил кулаком по вате, и вся накопившаяся внутри злость застряла комом в груди.

Хэ Юй не желал с этим мириться:

— Я слышал, те часы были очень важны для тебя, ты вечно носил их не снимая. Я долго отпрашивался и выбирал эту модель, не знаю, пришлось ли они брату по душе?

Эти слова были сказаны намеренно, чтобы надавить на больное место Хэ Шу. К вещам, которые ему безразличны, Хэ Шу всегда относился снисходительно.

Однако стоило кому-то затронуть его принципы, как он проявлял нестигаемый стержень и шел

до конца, сражаясь изо всех сил.

Но излишняя жесткость легко ломается, и в этой поговорке была своя правда.

Взгляд Шэнь Синланя на мгновение потемнел. Его длинные пальцы неторопливо приоткрыли подарочную коробку: внутри лежали механические наручные часы, внешне до боли напоминающие прежние.

Разбить реликвию, оставленную отцом Хэ, и явиться с похожими часами в качестве искупления вины — кого они пытаются этим тошнить?

— Благодарю за заботу, — слабо улыбнулся Шэнь Синлань. Он достал часы и надел их на запястье, тихо добавив: — Предыдущие часы и правда были очень важны, но эти ценятся ничуть не меньше, ведь ты выбирал их специально для меня.

Изящный и роскошный циферблат, прохладный агат, плотно прильнувший к коже, впитывал тепло с внутренней стороны запястья.

Шэнь Синлань казался искренне восхищенным новой вещью, он не мог налюбоваться подарком и даже повернулся, вскинув руку перед Со Сюем:

— Смотри, красиво смотрится на мне?

Со Сюй, до этого наблюдавший со стороны, старался переварить новую информацию. Он бросил взгляд на изящное запястье подростка: серебристо-серый ремешок делал кожу ослепительно белой, напоминая серебристую рыбку, плещущуюся на мелководье.

От одного этого зрелища на секунду затуманилось в голове, и он поспешно кивнул:

— Красиво, очень красиво.

Шэнь Синлань улыбнулся:

— Тогда я буду носить их всегда.

Лицо Хэ Юя едва не исказилось. Развитие событий, совершенно не совпадавшее с его ожиданиями, породило сильнейшее разочарование. Тоска и раздражение, накопившиеся еще с утра, когда мать Хэ мягко, но непреклонно заставила его прийти и извиниться, в этот момент достигли предела.